

Лола ЗВОНАРЁВА,
Олег ЗВОНАРЁВ
г. Москва

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

(о романе П.Г. Кренёва
«Расшумелось Белое море»)

Столкновение цивилизаций, как один из основных факторов мирового развития, лишь недавно стало предметом широких дискуссий.

Заслуга систематического рассмотрения этой проблемы принадлежит американскому социологу и политологу, автору концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной в статье «Столкновение цивилизаций?», Сэмюэлю Филипсу Хантингтону, вышедшей в 1993 г. в журнале «Форин афферс», а затем в 1996 г. в книге «Столкновение цивилизаций», неоднократно переиздававшейся за пределами США.

Однако он не был первопродцем

цивилизационного подхода к изучению истории. Первенство в постановке и изучении проблемы принадлежит отечественному учёному Николаю Яковлевичу Данилевскому, социологу, культурологу, публицисту и естествоиспытателю, считающемуся одним из корифеев школы русской геополитики, идеологом панславизма. Его теория культурно-исторических типов оказала заметное влияние на историософскую и культурологическую концепцию евразийства.¹ Наряду с О. Шпенглером, Н. Я. Данилевский считается основателем цивилизационного подхода к истории.

Анализируя войны и конфликты в истории, представители западной, и прежде всего англосаксонской научной мысли, выделяют обычно такие знаковые события, как завоевания Александра Македонского; становление и развитие цивилизации Древнего Рима, приведшее к созданию обширной империи; натиск гуннов и германцев под предводительством Атиллы, победы которых привели к падению Римской империи; победные походы Мухаммеда и его последователей (VII–VIII вв.), основавших Арабский халифат; создание Священной Римской империи германской нации в Европе; набеги викингов

на Северную Европу и даже Северную Америку; организованные при поддержке Ватикана крестовые походы, причём не только на Ближний Восток, но и на северо-восток Европы, на земли восточных славян; и, наконец, Столетнюю войну между Англией и Францией. Среди этих событий нет ни одного упоминания о России, вне зависимости от того, как называлась наша страна в тот или иной период её исторического существования.

Более того, западные элиты никогда не отличались дружелюбием по отношению к нашей стране, воспринимая Россию как экзистенциальную угрозу и потенциально враждебную цивилизацию. Этот подход преобладал всегда, даже несмотря на краткие, с исторической точки зрения, периоды совместной борьбы против общего врага. Наиболее хрестоматийный пример — это начало Холодной войны сразу после окончания Второй мировой по инициативе лидеров вчерашних союзников СССР, Великобритании и США, первым «аккордом» которой можно считать знаменитую фултонскую речь У. Черчилля.

Подобные парадоксальные, на первый взгляд, исторические феномены могут быть легко объяснены, если использовать цивилизационный подход, предложенный Н. Я. Данилевским, который ещё в 1869 г. в монографии «Россия и Европа», анализируя Россию и Европу как различные культурно-исторические типы, заметил: «...при нашей уступке, что Россия если не прирождённая, то усыновленная Европа, мы приходим к тому заключению, что она — не только гигантски лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма труднопреодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, то есть европейской или германо-романской цивилизации. Этого взгляда, собственно, и держится Европа относительно России. Этот взгляд, выраженный здесь только в несколько резкой форме, в сущности, очень распространён и между корифеями нашего общественного мнения и их просвещёнными последователями.

С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие

и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, — к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых кроме русского существуют какие бы то ни было инородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому.

Если Русь в смысле самобытного славянского государства есть препятствие делу европеизма и гуманитарности, и если нельзя притом, к сожалению, обратить её в *tabula rasa* для скорейшего развития на её месте истинной европейской культуры *pour sang*, то что же остается делать, как не ослаблять то народное начало, которое дает силу и крепость этому общественному и политическому организму? Это жертва на священный алтарь Европы и человечества».

Не все современники Н. Я. Данилевского разделяли в то время его точку зрения, многие его критиковали. Спустя почти 80 лет с его мнением согласился один из наиболее заметных западных культурологов и социологов, британский историк и философ истории Арнольд Джозеф Тойнби. В книге «Цивилизация перед судом истории» автор, рассуждая о причинах многовековой традиции неприятия «культурным» Западом России, написал: «...русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточноправославного христианства. Русские приняли православие в конце X века, и нужно подчеркнуть, что это был осознанный выбор с их стороны. В качестве альтернативы они могли последовать примеру степных хазар, принявших в VIII веке иудаизм, или, скажем, волжских булгар, которые обратились к исламу в X веке. Несмотря на эти прецеденты, русские отчетливо сделали свой выбор, приняв восточноправославное христианство от Византии; а после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и

против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие».

С учётом этого приобретают глубинный смысл все военные конфликты и войны, которые имели место между нашей страной и представителями западной цивилизации. Это касается, прежде всего, наиболее заметных событий такого рода за последние двести лет существования России. Видимо, в том числе этим можно объяснить появление в русской и советской литературе такого направления, как военная проза. Среди наиболее заметных авторов можно назвать М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина в XIX в. Эта традиция была продолжена в XX в. советскими писателями К. М. Симоновым, А. Б. Чаковским, Ю. В. Бондаревым, В. В. Быковым, В. П. Астафьевым.

Эту славную традицию продолжает и наш современник Павел Кренёв в историческом романе «Расшумелось Белое море». Это не первая его «проба пера» в таком ответственном и чувствительном для российского народа жанре.

П. Кренёв стал известен широкому читателю благодаря сборникам рассказов и повестей, посвящённым жизни поморских деревень, в одной из которых — Лопшеньге Архангельской области — автор появился на свет и окончил восемь классов. Автор показывал читателю быт и обстановку деревни Русского Поморья, обсуждал проблемы нравственности, человеческих взаимоотношений и семейных ценностей, исподволь демонстрировал и важность экологических проблем, повествуя об отношении человека и окружающей его дикой природы.

Поднимаемые автором проблемы и мастерское их раскрытие ставило новеллы Кренёва на одну ступень с наиболее яркими произведениями деревенской прозы — направления в русской литературе, зародившегося в 1950-х годах прошлого века усилиями таких корифеев, как Ф. А. Абрамов, В. И. Белов, В. Г. Распутин, В. М. Шукшин, В. П. Астафьев, Б. А. Можяев.

Характерной чертой авторского стиля уже тогда был его язык, чудная, по его собственному определению, напевная поморская «говоря», которая придаёт уникальность и необыкновенную

достоверность повествованию. Вспоминаются в этой связи слова М. А. Шолохова из его статьи «Сокровищница народной мудрости», вступления к изданию «Пословиц и поговорок русского народа» В. И. Даля, опубликованному в 1957 г., в которой советский классик отмечал: язык есть величайшее богатство народа, сохраняющий тысячелетиями накапливаемые несметные сокровища человеческой мысли и опыта, которые вечно живут в его слове.

Однако П. Г. Кренёв не ограничивался деревенской прозой. Его перу принадлежит и такое пронзительное по нравственному накалу произведение, как повесть «Девятый», сюжет которого касался драматических событий, происходивших на территории одного из «осколков» бывшего СССР, образовавшегося после его развала. Драматизм сюжета уже тогда определялся не только описанием и анализом трагических событий, развернувшихся на фоне вооружённого противостояния, по сути гражданского конфликта, возникшего не без помощи западных «доброхотов», опосредованно вмешивавшихся в подобные столкновения на территории бывшего СССР, но и личной трагедией главного героя.

Последний, выполняя задание командования, был вынужден вступить в военное противостояние и уничтожить снайпера-наёмника враждебной стороны, оказавшегося женщиной, с которой у него бурно развивались серьёзные отношения. И только обращение к традиционным ценностям вернуло главному герою покой, не залечив, однако, до конца душевные раны. Уже в этом произведении автор приоткрывал цивилизационные истоки трагических событий, которым была посвящена его повесть.

Новый роман П. Кренёва продолжает эту традицию. С одной стороны, автор выступает как представитель деревенского направления, описывая обычаи и быт жителей поморских деревень. С другой, П. Кренёв уделяет много внимания военной тематике, рассказывая о малоизученном эпизоде Гражданской войны — интервенции на Севере. В этой связи роман приобретает художественно-документальное измерение, становясь историко-художественным исследованием трагического эпизода истори-

ческого бытия нашего Отечества, а соединение этих двух пластов — художественного и документального — даёт роману новое измерение: убедительная субъективность повествования подкрепляется объективными историческими фактами, создавая более объёмную картину.

Значительная часть романа посвящена вдумчивому анализу событий, приведших к вторжению интервентов на Русский Север, а также политике и преступлениям оккупантов на русской земле. Чего стоит только описание концентрационного лагеря, организованного «цивилизованными» англичанами на острове Мудьюг!

Впервые в отечественной истории автор подробно раскрывает, каким образом иностранным державам, планировавшим послать войска для интервенции на Русский Север, удалось придать своим действиям видимость законности. Автор на основе анализа ранее недоступных для исследования документов убедительно показал: легализация интервенции стала возможной при прямом попустительстве большевистского правительства. Непосредственным «агентом влияния» стал Л. Д. Троцкий, которому удалось пролоббировать эту идею на уровне руководства тогдашней Советской республики, организовав встречу В. И. Ленина с американской правительственной делегацией, где было согласовано участие в интервенции, в том числе и американских экспедиционных сил, а также на уровне местного, Мурманского совета депутатов, руководителем которого А. Юрьев активно поддерживал и содействовал воплощению в жизнь идеи Л. Д. Троцкого «интервенции по приглашению».

Не оставил вниманием автор и другие знаковые события того времени, например, подписание «похабного» Брестского мира: причин, побудивших Ленина пойти на этот шаг. Для того чтобы понять причины такого поведения лидера большевиков, автор, придерживаясь принципов историзма, подвергает пристальному рассмотрению предшествующие события российской истории, в которых принимали активное участие герои романа.

Автор, в своё время работавший старшим научным сотрудником кафедры истории органов разведки и контрразведки Академии безопасно-

сти России, нашёл документальные доказательства того, что Л. Д. Троцкий был представителем и куратором американских интересов в руководстве РСДРП(б) и затем в Советской России. Именно ему должен был, по замыслу заокеанских кукловодов, передать власть, по завершении полномочий, глава Временного правительства А. П. Керенский, который в своё время был ими же внедрён на этот пост. Однако Троцкий проиграл борьбу за власть В. И. Ленину, который представлял интересы кайзеровской Германии.

На наш взгляд, одним из безусловных достоинств нового произведения П. Кренёва можно считать то, что он документально обосновал и логически объединил разрозненные, на первый взгляд, события того периода советской истории, документально показав — уже в первом советском правительстве существовали две противоборствующие фракции, представлявшие интересы враждующих государств — Германии и США. Лидеры этих фракций, В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий, вели ожесточённую борьбу за власть, которая привела их к преждевременной смерти.

Автор обращает особое внимание, что их не смущало и то, что «иностранные партнёры» рассматривали свой поход как вполне естественную миссию представителей «цивилизованного мира» в «логово варваров», с тем чтобы забрать «своё» и «показать последним их место».

Характерные слова вложил автор в уста ещё одного исторического персонажа, адмирала флота короля Великобритании Георга V лорда Вилли Крейга, которому было поручено провести совещание руководства королевских ВМС и обрисовать задачи в будущем походе.

Вот какие мысли высказал он подчинённым: «Существуют нации великие, как мы — англосаксы, и нации, униженные историей, всякие там славяне... Мы — великая английская нация, всегда были и всегда будем главными среди других, никчёмных наций. Мы видим сейчас, что один из таких ни на что не годных народов, а именно восточные славяне, так называемые русские, которые всегда были под нашей пятой, вдруг заподнимали свои узколобые головы и возомнили себя равными нам».

Известно: любая информация считается подлинной только тогда, когда удаётся найти подтверждение ей из различных независимых источников.

Информация о том, что В. И. Ленин был креатурой Германии, упоминалась в различных исследованиях, которые в советское время объявлялись «клеветническими». Однако в начале 2000-х гг. в новой России увидела свет книга немецких исследователей Герхарда Шиссера и Йохена Трауптмана «Русская рулетка: немецкие деньги для русской революции» [пер. с нем. В. Ф. Дизендорфа] (Москва: Астрель: Аст, 2004). Авторы, исследовав документы из архивов Министерства иностранных дел, Генерального штаба и Центрального банка кайзеровской Германии, доказали: германский Рейх финансировал подготовку большевиками октябрьского переворота и после прихода их к власти продолжал эту практику. По свидетельству авторов, 3000-километровая поездка В. И. Ленина со товарищи из Цюриха в Петроград была организована Отделением III Генерального штаба, и немецкий офицерский эскорт сопровождал большевиков до посадки их на паромную переправу в Швецию. А первый германский посол в Советской России граф В. фон Мирбах-Гарф отправил после прибытия на место службы пессимистический доклад о катастрофической ситуации в России и возможных в этой связи рисках для интересов Германии: он указывал возможность сближения большевиков со странами Антанты. Мирбах считал: необходимо обеспечивать ежемесячные дотации в размере 3 млн рейхсмарок, чтобы удерживать это правительство у власти. Дальнейший анализ документов германского Министерства иностранных дел выявил динамику роста помощи в этих целях, которая достигала 40 млн рейхсмарок.

Можно ещё долго приводить примеры такого рода, однако П. Кренёв с добросовестностью тщательного исследователя убедительно доказывает читателям: лидеры большевиков, отрабатывая свои «тридцать сребреников», совершенно не заботились о судьбе России, но, напротив, воплощали, не всегда, может быть, и до конца, планы иностранных кукловодов.

Кризисные тенденции развития России до начала Первой мировой войны усиливались не без помощи финансируемой из-за рубежа «пятой колонны», что привело в итоге к свержению законной власти в России и последующему октябрьскому перевороту. С учётом этих обстоятельств можно смело заключить: наша страна попала в глубокий цивилизационный разлом, когда её бывшие враги и союзники, как это ни парадоксально, действовали в одном направлении, стремясь разграбить и максимально её ослабить.

Обстоятельства, вскрывающиеся в последнее время благодаря исследованиям, как, например, то, о котором упоминал П. Кренёв на страницах романа, позволяют с уверенностью квалифицировать этот исторический период существования нашей страны как эпоху конфликта русского мира и западной цивилизации, начавшегося со своего рода «цветных революций»^[2], финансировавшихся как Германией, так и США. Зарубежные спонсоры постарались вернуть свои «инвестиции», о чём свидетельствуют и условия Брестского мира, заключённого большевиками с Германией, и откровенный грабёж национальных ресурсов и складских запасов, подробно описанный писателем в романе «Расшумелось Белое море».

Считается: литература — отражение уровня нравственного развития общества, глубины осознания им судеб Отечества, а также дискуссий по поводу возможных путей его развития. С нашей точки зрения, знаковым можно считать тот факт, что на фоне масштабной коммерциализации литературы в современной российской прозе появляются произведения такого масштаба, как роман П. Кренёва. Эта книга, без сомнения, внесёт лепту в разворачивающуюся в российском обществе дискуссию по поводу того, в каком направлении должна развиваться наша страна. Россия вновь вступила в активную фазу очередного цивилизационного конфликта с Западом, который своими действиями развязал гражданскую войну теперь уже на Украине, что не оставило России иного выбора, кроме как выступить с оружием в руках для того, чтобы защитить русский мир, население юго-востока

Украины, ликвидировать неонацистскую угрозу в лице нынешнего киевского режима, что в определённой степени поспособствует решению и геостратегических проблем развития нашего Отечества.

Поднимая традиционные вопросы Добра и Зла, причин цивилизационных конфликтов в отечественной истории, нравственности, отношения к человеку и Природе, извечных духовных, моральных и семейных ценностей, творчество П. Кренёва, без сомнения, ставит его на одну ступень с выдающимися отечественными писателями прошлого и настоящего. Роман «Расшумелось Белое море», безусловно, послужит делу воспитания читателей всех возрастов в любви к России и всему Русскому миру в целом.

¹ Идеиное и общественно-политическое движение в среде русской эмиграции в 1920-30-х гг. Датой возникновения считается 1921 г., когда в Софии издали коллективную монографию П. Н. Савицкий, Н. С. Трубец-

кой, Г. В. Флоровский и П. П. Сувчинский «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Заметный вклад в разработку идеологии внесли Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин и др. Считая неизбежным воссоздание единого Российского государства, евразийцы выдвинули историософскую и культурологическую концепцию России-Евразии как самобытной цивилизации, соединившей в себе элементы Востока и Запада (под Евразией понималась срединная часть Европы и Азии, объединяющая три равнины: Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую), опираясь на идеи С. М. Соловьёва, А. П. Шапова и В. О. Ключевского о роли природно-географического фактора в русской истории, а также теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. В качестве основных аргументов, способствующих воссозданию единого Российского государства, его сторонники рассматривали уникальное ландшафтно-климатическое пространство России-Евразии, её особый этнокультурный ареал и доминирующую роль православия. Сторонником этой теории считал себя и Л. Н. Гумилёв. — *Прим. авторов.*

² Имеются в виду Февральская и Октябрьская революции 1917 г. — *Прим. авторов.*

Лола ЗВОНАРЁВА —
доктор исторических наук, почетный академик Российской академии художеств, профессор Университета мировых цивилизаций и Московского международного университета, секретарь Союза писателей Москвы.

Олег ЗВОНАРЁВ —
кандидат исторических наук, член Союза журналистов Москвы, доцент Университета мировых цивилизаций, автор учебного пособия и цикла статей о современной геополитике в научной прессе. Живет в Москве.